

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ГИБРИДНОСТИ В РОМАНЕ ЯА ГЬЯСИ «МИР НЕЗЕМНОЙ»

Арина Рафаильевна Шевченко

кандидат филологических наук, доцент Казанского федерального университета (Казань, Россия)

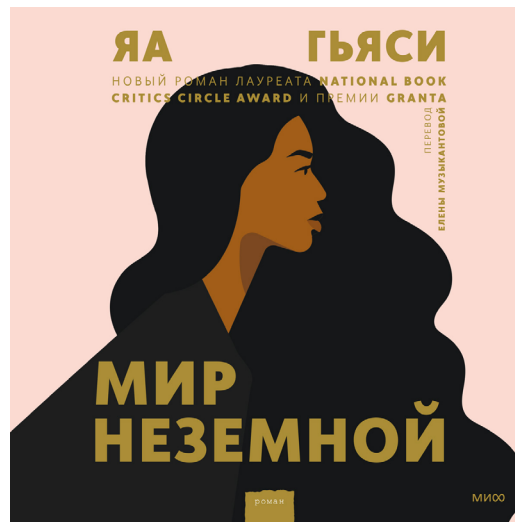
e-mail: sheara@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-0543-2481

Аннотация. Статья посвящена роману «Мир неземной» (2020), автором которого является Яа Гьяси – американская писательница ганского происхождения. Произведение, выстроенное согласно жанровой модели романа воспитания, представляет собой фрагментарный нарратив с включением эпистолярных элементов. В основе повествования – история преодоления травматического опыта, связанного с трагическими событиями в семье талантливой ученой-нейробиолога. Научный контекст романа тесно переплетается с религиозным, что проявляется на всех уровнях текста и определяет его специфику. Столкновение различных точек зрения относительно религии в романе усложняется актуализацией канонического для мировой литературы конфликта поколений отцов и детей, ставшего также и весьма характерной «формулой» мульти- и, впоследствии, транскультурного романа. В произведении Яа Гьяси обозначенный нами конфликт претерпевает гендерную модификацию и предстает в виде противостояния матери и дочери. Представленный в статье анализ романа направлен на выявление степени влияния религиозно-научного контекста на его сюжетную и композиционную структуру, проблематику, систему образов, психологическую мотивировку поступков персонажей. В ходе исследования делается вывод о том, что в материале исследования демонстрируется как две диаметрально противоположные системы мировосприятия – религиозная и научная – парадоксальным образом соединяются в картине мира главной героини на пути к преодолению травмы и разрешению психологического кризиса. Подобная стратегия способствует своеобразному воплощению идеи о гибридности в романе, где писательница смещает фокус с национальной и расово-этнической плоскости на сферу убеждений и веры, в рамках которой происходит самоидентификация героини. Все вышеперечисленные аспекты авторской концепции в совокупности с обращением к темам иммиграции и поиска идентичности

позволяют утверждать, что рассмотренный нами роман «Мир неземной» органично вписывается в контекст современной транскультурной прозы.

Ключевые слова: гибридность, научный дискурс, современная литература, тема религии, травма, транскультурная проза, Яа Гьяси

Роман «Мир неземной» (“Transcendent Kingdom”, 2020) – второе произведение современной американской писательницы ганского происхождения Яа Гьяси (Yaa Gyasi, 1989). Литературным дебютом автора стал роман «Возвращение домой» (“Homegoing”, 2016) [Gyasi], вдохновленный всемирно известным образцом классики афроамериканской литературы – семейной сагой Алекса Хейли «Корни» (“Roots”, 1976) [Хейли]. В отличие от рассматриваемого нами произведения к истории Гьяси о семи поколениях аканской семьи, каждая ветвь которой несет на себе отпечаток последствий страшных событий, связанных с трансатлантической работорговлей, неоднократно обращались современные зарубежные исследователи. Так, например, в фокусе внимания ученых оказывались специфика женских образов в дебютном романе писательницы [Kavipriya, Sutharshan], взаимосвязь тем рабства и семейной травмы [van Rens] и функция мистического компонента в тексте [Grindstaff]. Если первое произведение Гьяси представляет собой преимущественно диалог с афроамериканской литературной традицией, то во втором романе она придерживается иного вектора и художественной перспективы.

Яа Гьяси принадлежит к молодому поколению авторов, чьи тексты демонстрируют интеграцию традиций литературы мультикультурализма в более актуальную для новейшей прозы транскультурную конфигурацию, ко-

торую М.В. Тлостанова характеризует как «новую эпистему эпохи глобализации» [Тлостанова 2006: 5]. По мнению ученой, она подразумевает «включение не одной, а нескольких культурных точек отсчета, пересечение нескольких культур, курсирование между ними и особое состояние культурной потусторонности – не там и не здесь или и там, и здесь, в зависимости от индивидуального переживания этого состояния» [Тлостанова 2011: 132]. Транскультурация представляется нам постоянным «обменом» различными культурными кодами в процессе гибридизации как наиболее характерном для существования в современном многополярном мире; а также ситуацией, в рамках которой идентичность является постоянно меняющейся субстанцией, определяемой внутренним мироощущением и самовосприятием индивида, а не его принадлежностью к тому или иному гендеру или социокультурной, религиозной, национальной группе [Шевченко: 14]. Если в литературе мультикультурализма, как правило, проблема самоидентификации героя связана с вопросами расы, этноса, национальности и взаимодействия или же столкновения культур, то в произведениях транскультурного характера авторы значительно расширяют эти рамки, выводя их за пределы обозначенных нами аспектов. Так и освещаемые Гьяси темы иммиграции и поиска идентичности, традиционные для мультикультурной литературы, в силу их синтеза

с религиозно-научной тематикой и проблематикой, напрямую связанными с изображением преодоления травмы и самоидентификации главной героини, позволяют говорить о том, что рассматриваемый нами роман органично вписывается в корпус современных транскультурных текстов. В данном случае мы также согласны и с Ю.В. Стуловым, чья точка зрения относительно Яа Гьяси определяется следующим образом:

«...было бы неправильно включать [Гьяси] в число мультикультурных авторов, для которых главной ценностью является равноправие голосов людей разного этнического и расового происхождения, классового и гендерного состава и т. д. В ней совмещаются ее африканские корни и американский опыт, окрасивший почти всю ее жизнь. Это уже не равноправие составляющих, а апроприация одного культурного элемента другим и появление качественно нового феномена, где нет ни их равенства, ни доминирования одного над другим» [Стулов: 154–155].

В романе «Мир неземной» гармоничным образом соединяются африканский и американский контексты, что позволяет автору представить необычный взгляд на вопросы самоопределения и поиска своего «я» в современном многополярном, гетерогенном мире. В качестве жанровой модели своего произведения Яа Гьяси выбирает роман воспитания, что уже стало традиционным для литературы мульти- и транскультурализма. Как правило,

содержание романа воспитания базируется на изображении социально-психологического и нравственного формирования личности протагониста в ее динамике. «Точкой отсчета» в сюжете романа воспитания становится детство или юность главного героя, а в художественном воспроизведении его жизненного пути можно выделить следующие этапы: прощение с родительским домом, столкновение с внешними препятствиями, взросление, романтические взаимоотношения, поиск своего «я» и его последующее обретение [Шевченко: 64]. Подобный сюжет возникает и в романе «Мир неземной», который можно охарактеризовать как транскультурный вариант классического реалистического жанра, где в качестве барьера извне и причины для возникновения внутренних противоречий становится ситуация травмы и вытекающий из нее кризис веры.

Согласно О.А. Джумайло, «травматический нарратив – обязательный ингредиент современной культуры» [Джумайло: 76]. Подобное мнение исследователя позволяет говорить о том, что и роман Гьяси «Мир неземной» органично вписывается в контекст основных тенденций новейшей художественной прозы. В основе сюжета произведения – драматичная история главной героини, молодой девушки-нейробиолога по имени Гифти, выступающей в роли рассказчика. В данном случае отмечается характерная для литературы о травматическом опыте тенденция, в которой «субъектом травмы является

автор-рассказчик, а само произведение представляет собой “проговаривание” [Хаббуллина: 92]. Ретроспективная композиция произведения носит аналитический характер. Многочисленные флешбэки раскрывают суть сложного в психологическом плане состояния героини в условном настоящем. Гифти травмирована событиями, связанными с ее близкими. Среди них возвращение отца на родину в Гану и развод родителей, наркотическая зависимость старшего брата и его последующая смерть от передозировки, затяжная клиническая депрессия матери, которая, несмотря на свою прежнюю категоричность, авторитарность и жесткость, оказалась не в силах преодолеть горечь утраты после кончины сына. Психологическая травма, спровоцированная смертью старшего брата, становится причиной кризиса веры набожной Гифти, воспитанной матерью-прихожанкой пятидесятнической церкви. Наука становится своего рода убежищем для героини, пребывающей в поиске ответов на вопросы, которые ей не может дать Слово Божие. Она даже называет науку своей «новой религией» [Гьяси: 22]; а лабораторию, где проводит эксперимент над мышами, посвященный исследованию природы возникновения аддикций, святилищем: «В моей лаборатории, в этом святилище, было что-то божественное» [Гьяси: 256]. Перерождение Гифти из набожной девочки в преданного своему делу ученого-нейробиолога контрастирует с судь-

бой ее матери, неспособной преодолеть травму: испытывая сомнения в вере после смерти сына, которого не смогли спасти ее молитвы, она погружается в болезнь и практически отказывается от взаимодействия с внешним миром. Предшествующее данным событиям возвращение отца семейства Чин Чина на родину в Гану, ставшее первой трещиной в семейном благополучии, описывается как проявление избегания необходимости интегрироваться в новое и непонятное для него американское общество:

«В моей стране соседи тебя приветствуют, а не отворачиваются и делают вид, будто вовсе с тобой не знакомы”.

«В моей стране можно есть плоды прямо с земли. А тут кукуруза такая же черствая, как души местных людей”.

«В моей стране нет таких слов, как сводный родич, пасынок, тетя или дядя. Только сестры, братья, мать и отец. Нам незачем разделяться”.

«В моей стране люди, может, и не имеют денег, зато у них счастья в избытке. А в Америке никто не радуется”» [Гьяси: 74].

Одной из причин ностальгии отца главной героини по Африке становится предвзятое отношение к нему со стороны местных жителей:

«Отец позабыл про гордую осанку, стал горбиться, сжиматься. Особенно ходя по “Волмарту”,

где его трижды за четыре месяца успели огульно обвинить в краже. Папу отводили в комнатку у выхода, ставили к стене, охлопывали с головы до ног. Он тосковал по родному дому, чувствовал себя униженным и вскоре вовсе перестал выходить на улицу» [Гьяси: 30].

Помимо этого, наркотическую зависимость брата главной героини как следствие непринятия ухода отца из семьи, воспринимаемого им как предательство, также можно определить как своего рода уход от реальности. Все это позволяет говорить о мотиве эскейпизма, который преобладает по ходу развития сюжета.

Важно и то, что одна из значимых тем романа – тема иммиграции и ассимиляции – раскрывается через призму проблемы расовой дискриминации. Несмотря на то, что действие происходит в условной современности – на рубеже XX–XXI вв., учитывая описываемые автором реалии штата Алабама, где происходит большая часть действия, – роман изобилует эпизодами, иллюстрирующими расизм американского Юга: «Были ли в мире места, где соседи приветствовали бы нас, а не отворачивались? Где одноклассники не смеялись бы над моим именем – не называли меня угольком, обезьяной или еще как похуже?» [Гьяси: 74]. Так, например, мать главной героини вынуждена терпеть оскорбительные комментарии пожилого клиента, у которого она работает сиделкой: «Поверить не могу, что мои

дерьмовые детки наняли мне ниггу <...> – Ты по ан-глий-ски по-ни-ма-ешь? – орал старик каждый раз» [Гьяси: 29]. В сцене с футбольным матчем, где команда брата Гифти Наны выигрывает у белых ребят, предстоящий триумф омрачается грубой репликой болельщиков: «Нельзя, чтобы эти ниггеры выиграли» [Гьяси: 65]. Тематический пласт, связанный с расизмом, дополняется и предвзятыми рассуждениями прихожан церкви, в которую ходит семья Гифти, о том, что чернокожие склонны к зависимому поведению, и это у них «в крови» [Гьяси: 180–181]. Так, автор намеренно акцентирует внимание на том, как герои оказываются в условиях искусственно созданной психологической изоляции, препятствующей выходу из кризисной ситуации, связанной с аддиктивным поведением члена их семьи, и усугублению травмы. Писательница также уделяет внимание рефлексии главной героини о том, что ей нужно стараться в два раза больше, чем белым американцам: «...урок, который я так и не смогла выкинуть из головы: мне всегда придется что-то доказывать, и сделать это я сумею, лишь превзойдя саму себя» [Гьяси: 66]. Таким образом, с помощью подобных сцен в романе автор не только ставит под сомнение вопрос об истинной мультикультурности современного американского общества, но и видит в социальных практиках источник эскейпизма героев.

Роман Яа Гьяси «Мир неземной» представляет собой фрагментарный нарратив.

Части текста романа о научном эксперименте героини чередуются с главами о детстве, матери, брате, отце. Пассажи о науке перемежаются с размышлениями о Боге, вере, религии, церкви. Если эпизоды наркотической зависимости брата Гифти описываются максимально натуралистично со всеми сопутствующими физиологическими подробностями, то в отрывках, посвященных научным изысканиям героини, возникают развернутые пассажи об оптогенетике, позволяющей стимулировать mPFC → NAc клетки, для подавления тяги к вознаграждению [Гьяси: 175], а размышления о Боге и вере выдержаны в философском тоне: «...тайная цель стать такой же чистой, как Христос, на самом деле невыполнима – более того, кощунственна <...>» [Гьяси: 78–79]. В целом автор уделяет большое внимание языковым средствам в романе, которые помогают задать необходимый тон и являются одним из основных способов создания дискурса, научного или религиозного, африканского или американского.

Рассматриваемое нами произведение имеет научно-документальную основу. Источником вдохновения для Гьяси послужило нейробиологическое исследование ее подруги Кристины Ким на тему молекулярной и цепно-динамической идентификации нисходящих нейронных механизмов для ограничения поиска вознаграждения. Проект, которым занимается главная героиня романа «смоделирован по образцу» данного научного изыскания, о чем автор пишет в послесловии [Гьяси: 284].

В романе присутствуют и элементы автобиографизма. Как отмечает И.В. Щепачева, в произведениях американских авторов африканского происхождения, в которых ситуация взаимодействия культур является определяющей, «опираясь во многом на собственный опыт, писатель рассказывает историю человека, который, отталкиваясь от собственных африканских корней, попадает в новую культурную реальность и пытается обрести многоуровневую идентичность на территории США» [Щепачева: 197]. Как и главная героиня, сама писательница родилась в Гане и вместе с родителями в возрасте двух лет иммигрировала в Штаты. Когда ей было десять лет, семья обосновалась в Алабаме, где прошла значительная часть ее детства. Именно Алабама становится одним из центральных локусов романа. Гьяси, как и ее героиня, окончила Стэнфордский университет. Она возвращалась на родину в Гану будучи уже студенткой, что на уровне сюжета романа получило воплощение в сценах поездки главной героини в Африку в подростковом возрасте, которые она характеризует как «энциклопедию нежеланных знаний» [Гьяси: 219]. С помощью данной метафоры автор подчеркивает и дистанцированность Гифти, выросшей в Америке, от реалий и обычаев африканской жизни, и переживания связанные с вынужденной поездкой в Гану на период лечения матери в психиатрической больнице.

В художественном плане роман переключается с полуавтобиографическим дебютным романом Джеймса Болдуина «Иди, вещай с горы» (“Go, Tell It on the Mountain”, 1953), где описывается один день из жизни Джона Граймса, чернокожего гарлемского подростка, в душе которого возникают сомнения относительно принципов церкви пятидесятников, которые ему прививает отчим-проповедник [Болдуин]. Внутренний конфликт героя-подростка, духовные искания, влияние родительской фигуры на формирование религиозного типа мышления и последующее осознание его несовершенства – все это можно наблюдать и в романе «Мир не земной», который становится современной версией подобного сюжета, вдохновленного образцом классики афроамериканской литературы.

При этом, если афроамериканские литературные тексты в большей степени насыщены отсылками к Ветхому завету, что справедливо отмечает О.Ю. Панова: «Широко используется библейская образность, в первую очередь из Книги “Исхода”, вошедшая в культурный обиход еще во времена рабства (Египет – земля рабства и обетованная земля, Моисей и гонитель-фараон, стены Иерихона, переход Иордана, лестница Иакова и т. д.)» [Панова: 89], то в романе Яа Гьяси преобладает обращение к Новому Завету. Этому свидетельствуют и размышления героини об Иисусе Христе, и наличие цитат из Еванге-

лия от Матфея: «“Человекам это невозможно, Богу же все возможно”, – ответила она. – Евангелие от Матфея, глава девятнадцатая, стих двадцать шестой» [Гьяси: 57]; и упоминания о Лазаре: «Почему Иисус применил свою силу таким образом и почему мы не воспевали Лазаря, человека, которого Бог счел достойным снова жить?» [Гьяси: 206]. Обращения Гифти к Богу с вопросом о том, по какой причине явлениям, подобным каноническому библейскому эпизоду, нет места в реальной жизни, рефреном проходят буквально через весь текст. На наш взгляд, это осуществляется автором для реализации мотива несостоявшегося исцеления – как наркозависимого брата Гифти, так и ее ментально нездоровой матери, – что контекстуально связано с кризисом веры главной героини.

Африканский же контекст привносится посредством описания культурных и бытовых реалий жизни в Гане: «Но что лучше мог предложить ему мир? По мнению Чин Чина – бабушкины ачомо, суету Кеджетии, красную глину и вкуснейшее фуфу его матушки» [Гьяси: 15–16]. Воссозданию африканской атмосферы способствует внедрение в текст романа слов и выражений на чви, родном языке родителей главной героини: «“Я тебя люблю” – от женщины, которая однажды назвала эту фразу *aburofo nkwaseaset*, глупостью белых людей» [Гьяси: 47]. В данном случае интересны и сцены, в которых главная героиня описывает, как проходят службы в церкви

пятидесятников в Гане. В них акцентируется синтез христианских и языческих традиций, свойственный храмам в Африке, где вера в Иисуса Христа распространялась миссионерами и постепенно явила собой результат религиозного и культурного взаимодействия, спровоцированный «вторжением Запада» в африканский мир:

«Пастор крупнейшей пятидесятнической церкви в Кумаси расхаживал взад и вперед по сцене, топая ногами в такт словам. Когда он кричал, хор “аминь” и “аллилуйя” заполнял святилище. Одна женщина упала, а другая бросилась обмахивать ее, вопя: «Благодарю Тебя, Иисус» <...> – Вокруг нас демоны, – вещал он. – Демоны, которые пытались забрать наших детей. Мы изгоняем их во имя Иисуса» [Гьяси: 217].

Это также подчеркивается и описанием двойственности религиозной идентичности матери главной героини, которая провела большую часть своей жизни в Гане, вследствие чего является носителем мифологического сознания, отличающегося одинаковой верой в духов и призраков, о которых она рассказывает своим детям, и в Иисуса Христа:

«В домашней церкви моей матери к религии относились по принципу “чем больше – тем лучше”. Давайте сюда воду, Дух, огонь. Говорите на разных языках, верьте в знамения и чудеса. Пригласите

и знахаря, если он хочет помочь. Моя мать никогда не видела конфликта между верой в мистиков и верой в Бога. Она воспринимала рассказы о гадах, ангелах и смерчах, пришедших разрушить Землю буквально, а не метафорически. Мама закопала наши пуповины на пляже приморского городка своей матери, как и все женщины семьи до нее, а затем окрестила своего первенца» [Гьяси: 95].

Так, авторская концепция реализуется в рамках гибридного – как с точки зрения формы, так и содержания – текста, который буквально становится художественным воплощением гетерогенности и многополярности современной действительности, где идентичность индивида – априори поликомпонентна, как в случае с героями романа Гьяси.

В романе «Мир неземной» особую роль играют эпистолярные элементы. Они представлены детскими письмами главной героини, адресованными Богу, где она делится своими переживаниями или просит о том, что волнует ее больше всего. Каждое из писем начинается с фразы: «Дорогой Боже». В них брат Нана именуется Базз (от английского слова ‘buzz’, означающего «кайф»), что согласно художественному замыслу писательницы, является своего рода предзнаменованием его наркотической зависимости. Девочка называет свою мать «Черной Мамбой»:

«Дорогой Боже! Черная Мамба много шумит, но вот когда злится, то двигается очень медленно

и тихо, а потом вдруг бац! – и оказывается прямо перед тобой. Базз говорит, это потому, что она африканский воин и обязана уметь подкрадываться незаметно» [Гьяси: 14].

В подобном способе номинации символически воплощаются жесткость материнской фигуры, сложные взаимоотношения с матерью и отсутствие теплоты и заботы в обращении с дочерью в отличие от нежного и трепетного отношения к более любимому и желанному брату, о чем мать неоднократно напоминает, рассказывая о нежелании рожать второго ребенка и своей сложной по сравнению с первой беременностью. Любопытно и то, что имя героини-рассказчицы – Гифти ('Gifty') – в переводе с английского языка означающее «одаренная», также является воплощением уготованной ей судьбы талантливого ученого.

Примечательно, что образы Наны и Гифти вообще выстроены согласно принципу бинарных оппозиций. Доминирующим приемом в случае с этими героями становится контраст, который проявляется не только в отношении матери к собственным детям, но и в целом, – в особенностях образов брата, общительного «звездного» мальчика, бунтующего против попыток привить ему любовь к церкви, и его стеснительной, задумчивой и искренне набожной сестры. Возвращаясь к функции номинации в романе, интересно отметить, что во взрослом возрасте, по-

сле того как на фоне переживаний о смерти сына у матери возникает депрессия, Гифти начинает сравнивать взаимоотношения с матерью с научным экспериментом, направленным на поиск способа исцеления родительницы, а саму мать – с лабораторной мышью. Это подчеркивает полную противоположность изменившегося состояния матери (теперь болезненного и жалкого) той властности и категоричности, которая была присуща ей до трагических событий с сыном. Помимо этого, Гифти называет ее «вирусом» [Гьяси: 5] или «мозолью» [Гьяси: 75], а ее брат Нана сравнивает мать с камнем [Гьяси: 44]. В случае сравнения с вирусом метафорическим образом описывается пассивное состояние героини-матери и «полужизнь», которую она ведет на фоне болезни, а в образах мозоли и камня воплощается присущее ей раньше бесчувствие.

Несомненно, материнско-дочерний сюжет имеет принципиальное значение для романа Яа Гьяси, в котором наблюдается гендерная трансформация конфликта отцов и детей, что свойственно произведениям писательниц-мульти- или транскультуралисток. Противостояние матери и дочери здесь – это еще и разное отношение к вере, которое всегда выступало в качестве негласного барьера в отношениях двух героинь. Если религиозность матери всегда была окрашена догматическим восприятием в сочетании с традиционными верованиями ганцев, то ее дочь

Гифти буквально с самого раннего детства пыталась критически осмыслить и рационализировать христианский канон: «Я верю в Бога, я не верю в Бога». Ни одно из этих чувств не соответствовало тому, что я на самом деле ощущала» [Гьяси: 101]. Таким образом, конфликт поколений раскрывается и через религиозный конфликт. При этом мать и дочь примиряет не религия, а наука. Интерес матери к научным экспериментам уже повзрослевшей дочери и ее визиты в лабораторию становятся символическим воплощением тронувшегося льда в отношениях героинь. Эта перемена отражается и на уровне метафорической образности. Так, из «черной мамбы» и «мыши» мать «превращается» в «Спящую красавицу, русалку Абандзе» [Гьяси: 238], выдуманную дочерью волшебную героиню, которая, в попытке примириться с изменившимся навсегда ментальным состоянием матери, переименовывает ее в своих дневниковых записях. Любопытно и то, что в ходе повествования меняется и сам характер этих записей, что соответствует движению Гифти от религиозного к научному типу сознания, а точнее, к некоему гибриду на основе двух обозначенных нами видов. Дневник героини из писем к Богу превращается в форму психотерапии, в рамках которой героиня «прописывает» и «проговаривает» свои травмы, чего не может сделать в реальной жизни даже при общении с друзьями и близкими,

словно у нее стоит внутренний блок, запрет на обсуждение тяжелых событий в жизни семьи.

Возвращение Гифти к религии происходит во взрослом возрасте вместе с появлением отчетливого неутолимого желания хотя бы исцелить мать, так как раны, нанесенные событиями из прошлого, безусловно, залечить невозможно. Постепенно взгляды главной героини на науку и веру в Бога «гибридируются» и приводят ее как к пересмотру идеи об отсутствии точек соприкосновения данных, казалось бы, противоречащих друг другу плоскостей, так и к новому способу осознания собственного «я»:

«...это противоречие, эта идея о том, что нужно обязательно выбирать между наукой и религией, неправильна. Раньше я видела мир через линзу Бога, и, когда эта линза помутнела, я обратилась к науке. Обе стали для меня ценными методами, но в конечном итоге обе же не смогли полностью выполнить свое предназначение: прояснить, придать смысл» [Гьяси: 209].

Так, нарратив романа Яа Гьяси «Мир неземной» иллюстрирует, как главная героиня Гифти идентифицирует себя и через отношение к религии и Богу, и через призму взгляда на науку. Ситуация кризиса веры героини и ее этапы, описываемые в романе, соответствуют традиционным этапам кризиса идентичности, изображаемому в ли-

тературе мультикультурализма, также впоследствии возникающего и в транскультурных текстах – утрата или отказ от идентичности, ее подмена и обретение гибридного «я» героем. Пиком воплощения подобной концепции становится финал романа, где концепция гибридности и гибридной идентичности имеет отчетливый транскультурный характер. В финальной сцене действие происходит в церкви, рядом с которой Гифти селится вместе со своим молодым человеком Ханом после смерти матери. Каждый день сопровождается звоном колоколов, выступающих в роли своеобразного аккомпанемента подготовки героини к новому рабочему дню в лаборатории и научным изысканиям. Автор описывает, как героиня смотрит на лик Христа, вспоминая эксперименты с мышами и мысленно рассуждая о своей научной карьере, при этом она больше не задает вопросов Богу. Ответ на то, что волновало ее всю жизнь, – зависимость Нана, причина сложных взаимоотношений с родителями, существование божественного провидения или отсутствие Бога как такового, она так и не находит. Вместо этого она осознает факт преодоления собственного травматического опыта, мысленно отпускает болезненное прошлое и обретает новый, присущий только ей, тип мировоззрения, в рамках которого есть место и религиозному, и научному началу. Таким образом, в романе Яа Гьяси «Мир неземной» представлен интересный способ

художественного комбинирования двух дискурсов – научного и религиозного, которые, в свою очередь, способствуют параллельному функционированию двух прямо противоположных типов мышления и мировосприятия в пределах сознания главной героини на пути к избавлению от последствий травмы, разрешению психологического кризиса и самоидентификации.

Литература

Болдуин, Дж. Иди, вещай с горы / пер. В. Бернацкой. М.: АСТ, 2020.

Гьяси, Я. Мир неземной / пер. Е.В. Музыкантовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022.

Джумайло, О.А. Гениальный ученый как «герой нашего времени» в художественном дискурсе 1980–2010 гг. // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 3 (32). С. 68–79. DOI: 10.24411/2079-1100-2018-00048.

Панова, О.Ю. У истоков: складывание канонов, топик и тематических констант афро-американской литературной традиции // Вестник Московского университета. 2013. № 5. С. 83–91.

Стулов, Ю.В. Коллективная травма в транскультурном контексте: роман Я. Гьяси «Возвращение» // Мировая литература в становлении: перекрестки–контакты–посредники: электронный сборник материалов международной научной конференции. (Полоцк, 15–16 октября 2020 г.) / отв. за вып.: Е. В. Лушневская. Новополоцк, 2021. С. 154–158.

Тлостанова, М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 126–149.

Тлостанова, М.В. Транскультурация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник РУДН. 2006. № 2 (12). С. 5–16.

Хабибуллина, Л.Ф. Постколониальная травма в английской женской литературе XXI в. // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 89–104. DOI: 10.17223/24099554/15/5.

Хейли, А. Корни / пер. Новиковой Т.О. М.: Бомбора, 2019.

Шевченко, А.Р. Взаимодействие культур в англоязычной мультикультурной прозе конца XX – начала XXI вв. (Д. Лахири, Ч.Н. Адичи, М. Али, З. Смит): дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022.

Щепачева, И.В. Ситуация мультикультурности в романе Теджу Коула «Открытый город» // Litera. 2023. № 3. С. 190–199. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.3.40056.

Grindstaff, R. (2024). Haunting, healing, and trauma in Yaa Gyasi's *Homegoing*. *Criterion: A Journal of Literary Criticism*, 17 (2), 95–105.

Gyasi, Y. (2017). *Homegoing*. London: Penguin.

Kavipriya, A., & Sutharshan, Dr. V. (2023). The portrayal of women oppression in Yaa Gyasi's *Homegoing*. *Iconic Research and Engineering Journals*, 6 (10), 682–684.

Van Rens, D. (2023). "This ain't the way it's supposed to be": negotiating trauma through

postmemory and implication in Yaa Gyasi's *Homegoing*. *English Studies*, 104 (5), 766–788. <https://doi.org/10.1080/0013838X.2023.2234218>

References

Baldwin, J. (2020). *Go, tell it on the mountain* (V. Bernatskaya, Trans.). Moscow: AST.

Dzhumaylo, O.A. (2018). Genial'nyj uchenyj kak geroj nashego vremeni v hudozhestvennom diskurse 1980–2010 gg. [Genius scientist as hero of his time in artistic discourse of 1980–2010]. *Mezhdunarodnyj Zhurnal Issledovanij Kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 3 (32), 68–79. <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2018-00048>

Grindstaff, R. (2024). Haunting, healing, and trauma in Yaa Gyasi's *Homegoing*. *Criterion: A Journal of Literary Criticism*, 17 (2), 95–105.

Gyasi, Y. (2022). *Transcendent kingdom* (E.V. Mousykantova, Trans.). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Gyasi, Y. (2017). *Homegoing*. London: Penguin.

Haley, A. (2019). *Roots: the saga of an American family* (T.O. Novikova, Trans.). Moscow: Bommora.

Kavipriya, A., & Sutharshan, Dr. V. (2023). The portrayal of women oppression in Yaa Gyasi's *Homegoing*. *Iconic Research and Engineering Journals*, 6 (10), 682–684.

Khabibullina, L.F. (2021). Postkolonial'naya travma v angliyskoy zhenskoy literature XXI veka [Postcolonial trauma in the 21st century English

female fiction]. *Imagologiya i Komparativistika* [Imagology and Comparative Studies], 15, 89–104. <https://doi.org/10.17223/24099554/15/5>

Panova, O. Yu. (2013). U istokov: skladyvanie kanona, topiki i tematiceskikh konstant afro-amerikanskoj literaturnoj tradicii [Near the origins: establishment of the canon, topics and thematic constants in the African-American literary tradition]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Herald of Moscow University], 5, 83–91.

Shchepacheva, I.V. (2023). Situaciya mul'tikul'turnosti v romane Tedzhu Koula Otkrytyj Gorod [Multiculturalism in Teju Cole's novel Open City]. *Litera*, 3, 190–199. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.3.40056>

Shevchenko, A.R. (2022). *Vzaimodeystviye kul'tur v angloyazychnoy mul'tikul'turnoy proze kontsa XX – nachala XXI vv. (D. Lakhiri, Ch.N. Adichi, M. Ali, Z. Smit)* [The interaction of cultures in late 20th – early 21st century English language multicultural fiction (J. Lahiri, Ch.N. Adichie, M. Ali, Z. Smith)] (PhD Dissertation, Kazan Federal Volga Region University, Kazan).

Stulov, Yu.V. (2021). Kollektivnaya travma v transkul'turnom kontekste: roman Ya. G'yasi Vozvrashchenie [Collective trauma in the transcultural context: Y. Gyasi's Homegoing]. In E.V. Loushnevskaya (Ed.), *Mirovaya literatura v stanovlenii: perekrestki–kontakty–posredniki* [World literature in formation: intersections–contacts–mediators]. Novopolotsk: PGU, 154–158.

Tlostanova, M.V. (2011). Transkul'turaciya kak model' sociokul'turnoj dinamiki i problema mnozhestvennoj identifikacii [Transculturation as a model of social and cultural dynamics and the issue of multiple identification]. *Voprosy Social'noj Teorii* [Social Theory Issues], 5, 126–149.

Tlostanova, M.V. (2006). Transkul'turaciya kak novaya epistema epohi globalizacii [Transculturation as a new episteme of globalization epoch]. *Vestnik RUDN* [Herald of Russian Peoples' Friendship University], 2 (12), 5–16.

Van Rens, D. (2023). “This ain't the way it's s'posed to be”: negotiating trauma through post-memory and implication in Yaa Gyasi's Homegoing. *English Studies*, 104 (5), 766–788. <https://doi.org/10.1080/0013838X.2023.2234218>

Для цитирования: Шевченко, А.Р. Художественная трансформация концепции гибридности в романе Яи Гьяси «Мир неземной» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 2. С. 143–157. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-143-157

For citation: Shevchenko, A.R. (2025). Transformation of the concept of hybridity in “Transcendent Kingdom” by Yaa Gyasi. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (2), 143–157. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-2-143-157

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF HYBRIDITY IN “TRANSCENDENT KINGDOM” BY YAA GYASI

Arina R. Shevchenko, PhD in Philology, Associate Professor at Kazan Federal University (Kazan, Russia); email: sheara@inbox.ru

Abstract. The article deals with “Transcendent Kingdom” (2020), the novel by Yaa Gyasi, an American female writer of Ghana origin. The novel, created according to the genre model of Bildungsroman, presents a fragmentary narrative with epistolary elements. The plot is based on the tragic story of a young neurobiologist’s family and her overcoming of the traumatic experience caused by the family drama. The scientific and religious contexts of the novel are closely intertwined, which is striking at every level of the text and defines its specifics. The generation conflict, being canonic for the world literature and already a characteristic ‘formula’ for multi- and transcultural fiction, complicates the confrontation of different views on religion in the novel. In Gyasi’s work this conflict undergoes gender modification and appears in the opposition of mother and daughter characters. The study concludes that the research material demonstrates how two diametrical paradigms – religious and scientific – paradoxically come together in the main heroine’s worldview on the way to healing trauma and solving psychological crisis. This strategy contributes to the peculiar representation of hybridity concept in the novel, where the writer shifts the focus from national and racial-ethnic issues to the sphere of beliefs, which help the heroine to define her identity. Aforementioned aspects of the author’s message in combination with the appeal to the themes of immigration and identity search allow to claim “Transcendent Kingdom” an integral part of contemporary transcultural fiction.

Key words: hybridity, modern literature, scientific discourse, theme of religion, transcultural fiction, trauma, Ya Gyasi

